

Эти три слова и стали завершением прослушивания.

Шень Янь не закончил все требуемые сцены, не получил очков, и его выступление не могло быть оценено. У него не было места в рейтинге, потому что он снялся с соревнований.

Очевидно, что он не получил ничего, но, тем не менее, приобрел гораздо больше, чем за любое из всех предыдущих выступлений. В душе он уже поставил последнюю точку – эта картина не нуждалась ни в каких последних штрихах, все было готово.

Ци Цзин моргнул, туман перед его глазами на мгновение исчез, но тут же зрение снова затуманилось. Каждый раз, когда он моргал, что-то мокрое выливалось из глаз и падало на щеки.

И все же он смеялся.

- Ха-ха... - смех был тихим и мягким, но чем больше он смеялся, тем больше из глаз у него текли слезы.

Он медленно и спокойно снял наушники, отделив шум онлайн-соревнования от реальности, и вернулся в ту безмятежную квартиру. В начале зимы ее теплый уют еще сильнее контрастировал с окружающим миром.

Ци Цзин сделал в тишине несколько глубоких вдохов, а затем поднял руку, чтобы попытаться вытереть слезы. Прежде чем уйти с канала, он краем глаза заметил сообщения, которые отправил ему [Пять].

[Пять] пишет [Вам]:

[Пять] пишет [Вам]:

[Пять] пишет [Вам]: ...Я реально такого не ожидал...

[Пять] пишет [Вам]: ...Я сказал, что с этим ему никто не может помочь, но похоже, я был неправ. День Возвращения, ты на самом деле потрясающий... Спасибо тебе.

.....

- Нет, я совсем не потрясающий, его привела сюда собственная сила.

Ци Цзин смялся, опустив глаза, пока выключал ноутбук.

И в этот момент он услышал тихий звук отрывающейся двери.

Дверь открылась, но сам человек стоял у порога, не решаясь войти. Уголки губ Ци Цзина немного изогнулись, однако заговорил он намеренно ровным тоном, заставив свой голос звучать очень серьезно.

- Входи.

Голос звучал без модуляций, поэтому понять, счастлив он или сердит, было невозможно.

Человек у двери на мгновение замер, но все же сделал шаг внутрь комнаты и медленно пошел к нему.

Ци Цзин ничего не сказал, не повернул головы, а просто молча сидел на кровати и слушал, как тот шел от двери. Даже когда человек уже остановился в пределах досягаемости его руки, он по-прежнему не реагировал, выражение лица у него было невозмутимым – только в опущенных глазах играла улыбка, которую другой видеть не мог.

- ... Ци Цзин, – наконец-то тот человек его окликнул; голос у него был огрубевшим и сдавленным от сдерживаемых чувств. – Ты злишься?

- Конечно, я злюсь, – Ци Цзин не отрицал.

Шень Янь немедленно побледнел.

Но прежде, чем он успел шагнуть назад, Ци Цзин нежданно придвинулся ближе, раскрыл руки и крепко обнял его за талию. Он почти жадно вдохнул успокаивающий запах Шень Яня, тихо засмеялся и сказал:

- Знаешь, сколько слез я пролил этим вечером из-за тебя? У меня наверняка потом глаза опухнут – конечно, я злюсь.

Шень Янь слегка вздрогнул, словно человек, который только что услышал вердикт суда о признании невиновным и освобождении. Когда он, будто полностью лишившись сил, медленно опустился коленями на кровать, то почувствовал, как у него обмякли ноги.

Его руки какое-то время шарили по спине Ци Цзина, пока он не убедился, что прикасается к настоящему ему, – только тогда Шень Янь с облегчением вздохнул, закрыл глаза и наклонился, чтобы крепко того обнять. Но дрожь у него в голосе все равно не прошла.

- Я думал, что... ты злишься, потому что я скрывал от тебя такое некрасивое прошлое, и что ты... не сможешь меня простить.

Руки крепче сжали спину Ци Цзина, пальцы впились в его рубашку, смяв ткань в жалкий комок. Ци Цзин явственно чувствовал сомнения и томительный страх в сердце Шень Яня. Под влиянием этих эмоций Ци Цзин еще глубже зарылся лицом в его объятия и хрипло пробормотал:

- Дурачок... Прощать надо только тех, кто сделал что-то плохое. Что ты сделал не так?

- Я обманул тебя.

- Ты меня не обманывал.

- Я не был с тобой откровенен.

- Это не обман, обмен строится на лжи, - Ци Цзин не спеша его поправил. - Раньше ты ничего мне не говорил. Но когда ты говорил, каждое твое слово было правдой.

И в этот момент он снова задал вопрос.

- Так что же ты сделал неправильно? - вообще ничего.

Шень Янь больше не мог сказать ни слова, его дыхание участилось, он еще сильнее сжал Ци Цзина в объятиях, стоя перед ним на коленях. Ци Цзин тоже не сказал ничего, просто осторожно потянул его за локоть, затащил под одеяло и обнял, терпеливо ожидая, когда тот успокоится.

- Ци Цзин... - через какое-то время тот заговорил хриплым голосом. - Я...

- Молчи, - в этот момент Ци Цзин торопливо прижал палец к его губам, не дав ему произнести это унижительное слово. По крайней мере, в нынешнем обществе это все еще считалось унижительным. - Не нужно об этом говорить, я уже догадался.

Веки Шень Яня дернулись, он дважды моргнул, как будто хотел так снять жгучую боль в глазах, но не смог.

Ци Цзин поднял руку и нежно опустил ему ладонь на глаза, чтобы тот их закрыл, а затем тихо убрал пальцы и поцеловал ему веки. Словно уставший ребенок, Шень Янь откинулся к изголовью кровати, оставив всю инициативу Ци Цзину и полностью поддавшись его движениям.

Ци Цзин почувствовал, что веки Шень Яня больше так сильно не дергаются, и только тогда, вздохнув, положил ему голову на плечо.

- Честно говоря, я что-то такое подозревал и раньше.

Шень Янь вздрогнул, а затем тихо спросил:

- ...С какого момента?

- На этом пути было много подсказок, - горько рассмеялся Ци Цзин, - но все они были очень неопределенными, так что я... никогда всерьез об этом не задумывался. Только в тот день, когда мы пошли подметать могилу дедушки, я увидел, что твоего имени на надгробии нет, и кое-что понял. Но тогда я подумал, что ты - приемный ребенок этой семьи, поэтому только во время твоего сегодняшнего выступления я...

На этом он остановился. Больше он ничего говорить не стал, этого было не нужно.

- Прости, - на этот раз тихим голосом извинился Ци Цзин. Будь Шень Янь всего лишь усыновленным ребенком, некоторые ключи, если посмотреть на них внимательно, не имели бы особого смысла; Ци Цзин действительно тормозил.

Шень Янь в тишине покачал головой.

Они вдвоем погрузились в очарование взаимного молчания, согревая друг друга в тишине объятиями, пока Шень Янь не заговорил:

- ...Та тетушка, которую мы сегодня встретили в больнице... На самом деле... она - моя родная мать.

Глаза Ци Цзина распахнулись, он в шоке поднял голову. Шень Янь лишь горько рассмеялся:

- Я не видел ее около десяти лет, с тех пор как она повторно вышла замуж, - в этот момент он на миг остановился, а затем поправил сам себя тяжелым голосом. - Нет, мне не следует говорить «повторно вышла замуж»... Ведь она и мой биологический отец никогда не были супругами в прямом смысле слова. До того, как меня забрал мой дедушка, я был ребенком без родни, у меня не было никакой реальной связи с семьей Шень, кроме фамилии.

Ци Цзин слегка нахмурился и потянул за подол одежды Шень Яня, привлекая его к себе поближе. Шень Янь последовал за этим движением и обнял Ци Цзина крепче. Он опустил голову и несколько раз потерся о Ци Цзина носом, пытаясь скрыть боль в голосе под ровным повествовательным тоном:

- Я родился в маленьком городке, на родине моей мамы. Это был очень маленький город, и люди там были очень консервативны, включая и ее семью. Она выросла в этой среде... Но, так как она училась намного лучше, чем другие, то знала немного больше, а еще хотела увидеть мир за пределами этого городка.

- А мой отец был отсюда, он вырос в этом городе. Его семья была довольно благополучной, поэтому после окончания университета его на какое-то время направили на работу в город моей мамы. Там они и познакомились друг с другом, а потом... они получили меня.

Чем дольше он говорил, тем тише становился его голос. Он затих до такой степени, что Шень Яню пришлось остановиться на миг - он не в силах был продолжать.

Ци Цзин не торопил его, лишь молча гладил по спине, давая ему немного утешения - хоть это и было лишь временным средством.

- Когда мама родила меня, она была по-прежнему незамужней. В то время и в том месте, если бы эта история вышла наружу, это принесло бы ей одно унижение, о ней сплетничали бы и смотрели свысока до конца ее жизни. Но мой отец... он не хотел жениться на моей матери, потому что в это время он уже согласился на другой брак, который ему устроил его начальник.

Мужчина из его воспоминаний всегда был одет в темный костюм с безукоризненно гладкой рубашкой и хорошо выглаженным, словно вырезанным ножом, воротничком. Глаза мужчины были холодными, лицо - застывшим. Абсолютный реалист - от внешности до поступков.

Та женщина прятала ребенка за собой. Когда он украдкой выглянул из-за ее юбки, во взгляде, которым мужчина посмотрел на него, отразились какие-то мысли. Вот только в сознании этого мужчины существовал только ответ, процесса размышлений не было - лишь окончательный результат решения проблемы, без каких-либо эмоциональных затрат.

Этот мужчина родился в хорошей семье, в столице провинции, а женщина - в небольшом уездном поселке. Изначально они не должны быть вместе, их жизненные пути не совпадали.

Этот мужчина работал на государственной службе, и для него, как для настоящего чиновника, имя и репутация были всем.

Этого мужчину продвигал начальник, и женитьба была для него лишь средством проложить себе дорогу в лучшее будущее, она не имела ничего общего с чувствами.

Этот мужчина думал, что та женщина его не понимает.

Этот мужчина полагал, что та женщина ему не сочувствует.

Этот мужчина считал, что та женщина сделала ненужную ошибку, а ребенок и был той

ненужной ошибкой, даже глупой ошибкой.

- В молодости моя мать рассуждала очень просто. Она думала, что пока у нее есть я, в один прекрасный день он передумает, - произнеся это, Шень Янь издал слабый смешок. - Но он не передумал.

Шень Янь слегка отвел голову от места, где прижимался к Ци Цзину, провел лбом вниз и уткнулся тому в ключицу.

- Потому что он... никогда меня не хотел.

Этот акцент на слове «никогда» заставил Ци Цзина болезненно сжаться.

А Шень Янь продолжал с остановками раскрывать подробности своего прошлого. Большинство из них походило на те дни, откуда пришли, - старые и размытые в памяти, но всё такие же настоящие - ничто не могло изменить того удушающего чувства, которое тяготило сердце.

Ци Цзин же более или менее - что касалось вещей, о которых рассказывал Шень Янь, - был наслышан о таком из других мест.

Он был репортером, работал в новостях, так что на самом деле видел подобное чуть ли не через день: для него в этом не было ничего нового. Можно сказать: если ты увидел один такой случай, считай - ты видел их все. Многие из его коллег относились к подобным историям как к годному материалу для документалистики, считая их просто черными буквами на белой бумаге, но он так поступить не мог.

Он знал, что за каждой из таких историй всегда оставался шрам или множество шрамов...

- Шень Янь, Шень Янь...

Ци Цзин время от времени звал его, пробуждал от прошлого и напоминал ему о настоящем, не позволяя утонуть в трясине воспоминаний и бороться с ними в одиночку.

Рассказывая, Шень Янь сжимал его в объятиях и не отпускал ни на секунду.

- Позже мы с мамой переехали в этот город, но отец так и не пришел к нам, - при этих словах его взгляд стал хмурым, словно смешался с пеплом. - Моя мама начала пить, и часто ломала вещи, когда была пьяна. Бывали времена, когда она сходила с ума, а самое худшее... она чуть не задушила меня одеялом.

Ци Цзин в шоке рванулся из его объятий.

Шень Янь лишь горько усмехнулся, покачал головой, удержал его за плечи и продолжил, медленно и жестко:

- В то время... я в самом деле слишком перепугался и убежал. После того, как соседи об этом узнали, они не сообщили властям. Может быть, из-за того, что она была единственным членом моей семьи, или из-за того, что она в этот момент была пьяна, они не стали звонить в полицию, а вместо этого позвонили моему отцу.

Он остановился на мгновение.

После этого его рассказ звучал скорее как вопрос, будто он сам не верил тому, что говорил:

- В это время пришел мой отец...

В то время этот мужчина понял, что должен лишить ту женщину надежды, а женщина поняла, что должна от надежды отказаться.

В то время старшее поколение впервые узнало о связи их сына и существовании внука, которого они никогда не видели, - это был поворотный момент в его жизни.

- После того случая моя мама полностью сломалась и забрала меня обратно в маленький уездный городок. Позже... она вышла замуж за другого мужчину; брак был устроен ее родителями. Меня же они решили вернуть семье Шень, - тут он глубоко вздохнул, и в его голосе наконец-то появилась капля тепла. - Хотя мой отец отказался меня забирать, когда мой дедушка узнал об этом... он согласился взять меня к себе и вырастить. Он всегда будет моим благодетелем.

Шень Янь опустил глаза, слабо улыбаясь.

- Причиной, по которой моя мать дала мне фамилию Шень, было то, что это - имя человека, которого она любила. Но я оставил ее не поэтому. Для меня «Шень» - это «фамилия моего деда», а не «фамилия моего отца»... Разве не глупо так думать?

Ци Цзин подавил боль, которую ощутил, и торопливо покачал головой.

Ни один человек, услышавший воспоминания Шень Яня, не смог бы над этим смеяться.

- Раньше я думал, что [Хоу Шуньян] очень похож на меня, но я ошибался, - неожиданно Шень Янь упомянул о только что прошедшем прослушивании; будто бормоча про себя, он произнес. - Мы совсем не похожи. Он смог отказаться от своей личной обиды ради страны, но я не смогу. Я правда... так ненавижу своего отца.

Шень Янь ослабил хватку, но не позволил Ци Цзину высвободиться из своих объятий полностью. Он просто оставил между ними некоторое пространство, чтобы вытащить ту пуговицу, зажав ее в руке.

- Возможно, я не так великодушен, как он, но у меня есть кое-что, чего у него нет.

Ци Цзин проследил за его взглядом и посмотрел вниз. От пуговицы отражался свет; присмотревшись, он увидел на ее поверхности крохотную версию собственного лица.

Удивившись, он снова поднял голову. Шень Янь же больше не смотрел на пуговицу, вместо этого он молча наблюдал за ним.

Когда сам человек был тут, его заменитель потерял всю свою привлекательность...

- Когда началась первая сцена, я все время говорил себе: не трогай эту пуговицу, потому что она будет напоминать о тебе и о том, как я теперь счастлив, - Шень Янь притянул руку Ци Цзина поближе, взяв ее в свою. Их руки были соединены, а пуговица оказалась между ними, словно знак некой клятвы. В замешательстве Шень Янь рассмеялся:

- Я мог бы даже забыть, что раньше был несчастен.

Если бы дошло до этого, то он не смог бы еще раз воспроизвести те эмоции.

Поначалу [Хоу Шуньян] был очень ярким и позитивным героем, но по мере развития сюжета он становился все более и более мрачным, а ближе к концу негативные чувства все-таки доламывали его, как будто пламя свечи догорало до конца.

- В то время, когда скончался мой дедушка, я тоже себя так чувствовал. Моя мать родила и воспитывала меня, но все же предпочла меня бросить. Мой дедушка растил меня и смотрел, как я взрослею, но в конце концов он тоже меня оставил... Я думал, что моя жизнь - это просто такое разрушение. Все хорошее, чем я владел, в конечном итоге у меня отнимут.

Но в тот момент, когда он коснулся той пуговицы, эти мысли перестали существовать - он помнил лишь то, что его сердце было переполнено чувствами, заполнено настолько, что они текли из сердца потоком.

Он помнил лишь то, что любил и был любим.

- Вот почему я выбрал для него противоположный путь развития.

Во время нескольких последних реплик ему нужно было снять это бремя со своей души, и спокойно встретить его лицом к лицу, поэтому он снова сжал пуговицу, как будто бы держа Ци

Цзина за руку.

- Шень Янь... - Ци Цзин обнаружил, что его голос, как и пальцы, немного дрожит.

Шень Янь же, напротив, был очень спокоен.

Его слова полностью потрясли Ци Цзина, но сам он еще мог сохранять невозмутимый тон.

- Моя мама... У нее диагностировали опухоль головного мозга. Результаты обследования будут известны только завтра, так что пока неизвестно, доброкачественная она или злокачественная.

У Ци Цзина мгновенно побелело лицо.

- Не может быть...

Шень Янь опустил голову и тихо закончил свой рассказ:

- Когда она сказала мне о своем диагнозе, я... Я на самом деле полностью забыл обо всем, что она сделала со мной в прошлом. Единственная мысль, которая осталась у меня в голове - «мне нужно ей помочь». Может быть, это случилось потому, что у меня был дедушка и ты, у меня была опора - я больше не чувствовал, как на меня влияют воспоминания о том, как она причиняла мне боль. Я уже не мог... ее ненавидеть.

После этого Шень Янь не сказал ничего.

Ци Цзин тоже молчал, глядя со смешанными чувствами на человека перед собой. Он оставался с ним, пока они лежали вместе около десяти минут.

Возможно, почувствовав холод, Шень Янь переменил позу, притянув Ци Цзина ближе в свои объятия - движение в поисках тепла. Конечно же, Ци Цзин его не оттолкнул, ведь двое мужчин, обнявшись, могли согреть друг друга долго. Но это не могло отогнать зиму, царившую вовне квартиры.

И он не хотел себя так ограничивать.

Он хотел дожить до настоящего конца зимы.

- Могу я поговорить с твоей матерью? - внезапно спросил Ци Цзин.

Эти слова прозвучали даже более неожиданно, чем когда Шень Янь сказал, что его мать сейчас больна. Шень Янь быстро поднял голову и удивленно посмотрел на Ци Цзина. И взгляд,

которым Ци Цзин встретил его глаза, был пристальным и несомненно искренним.

- Могу я поговорить с твоей мамой? - он не получил ответа, поэтому тихо повторил вопрос. Но несмотря на то, что он спросил дважды, немедленного ответа от Шень Яня он все равно не получил.

Они оба посмотрели друг на друга. В глазах Ци Цзина Шень Янь не заметил ни малейшего колебания, и это заставило его нахмуриться. Первый его порыв ответить отказом остановил взгляд Ци Цзина - и Шень Янь проглотил отказ. Казалось, он хотел что-то сказать, но не мог.

- Она... - вряд ли вообще захочет общаться.

- Не переживай, - даже если Шень Янь и не произнес это вслух, Ци Цзин уже знал, что он имел в виду. Уголки его глаз изогнулись в улыбке, он потерся носом о щеку Шень Яня и тихо сказал. - Ты забыл о моей профессии? Я репортер, я знаю, какие вопросы задавать, а какие - нет. В команде моего новостного канала меня очень даже хвалят...

В его голосе зазвучала еле слышна шутливая интонация - чтобы немного развеять мрачную атмосферу. Услышав это, Шень Янь наконец-то беспомощно рассмеялся, а затем вздохнул.

- Хорошо, - если самый важный человек в его жизни не возражал, то и ему не нужно было ничего бояться, однако Шень Яню все равно нужно было предупредить заранее. - Но она может вообще не захотеть разговаривать, так что не дави на нее слишком сильно.

- Я буду действовать разумно, но просто так не отступлю, ведь интервью - моя специальность, - спокойно и уверенно улыбнулся Ци Цзин.

Шень Янь пристально посмотрел на него. В его глазах вспыхивал свет, мерцая в тишине. Искорки в его взгляде походили на зимнее солнце, сияющее над спокойными водами моря, - они были не столь яркими, как летнее солнце, но от этого тепло становилось еще более драгоценным.

- Ты сказал, что специализируешься на интервью, - Шень Янь неожиданно повторил только что сказанные слова.

- Мм?

- Значит, ты возьмешь у меня настоящее интервью?

Трудно было решить, была ли эта фраза шуткой или реальным вопросом. Их отношения в реале начались с сотрудничества по работе, но в тех выпусках новостей Шень Янь всегда оставался за кулисами и никогда не показывался в объективе камеры - даже в тексте статей он упоминался как «доктор Шень». Ци Цзин действительно ни разу не брал у него интервью

«один на один».

Услышав, как Шень Янь задает этот вопрос, Ци Цзин на мгновение был озадачен. Когда он наконец-то пришел в себя, то опустил голову, не сумев удержаться от смеха.

Он повернул голову, оставив на горле Шень Яня легкий укус. Тот тихо хмыкнул, то ли от боли, то ли от удовольствия.

Но когда Шень Янь опустил голову, чтобы поцеловать его, Ци Цзин остановил его пальцем. Удерживая его одним только пальцем, Ци Цзин вздохнул, их губы почти касались друг друга.

- В роли репортера я брал интервью у многих людей, поэтому взять у тебя интервью в той же позиции было бы не слишком запоминающимся событием. Но если бы я в один прекрасный день стал ведущим новостей и получил бы собственную программу, то я пригласил бы тебя в качестве моего первого почетного гостя... - в этот момент он убрал палец, и из-за того, что его губы коснулись Шень Яня, следующие слова прозвучали неясно:

- Но даже если в этот раз я смогу получить повышение и стать соведущим... Чтобы я действительно стал независимым, придется подождать два или три года... Тебе нужно... подождать меня.

- Я подожду, - тихо пообещал Шень Янь. Эта пара слов могла значить бесконечное количество дней и ночей.

Неважно - три года, четыре, пять, или, может, десять, двадцать, тридцать... Я буду ждать тебя.

Когда Ци Цзин проснулся на следующий день, казалось, что ничего не изменилось, но в то же время все вокруг стало... таким новым.

Ци Цзин не мог припомнить, сколько раз он просыпался в объятиях Шень Яня.

То, что он увидел, проснувшись, ничем не отличалось от того, что было раньше - изменились лишь его чувства. Простая и скучная обстановка комнаты теперь казалась странным образом более знакомой - Ци Цзин наконец-то понял, что он принадлежит этому месту, этому дому, этому человеку.

Он слегка улыбнулся, а затем закрыл глаза, снова уютно устраиваясь в тепле. Стал ли он более склонен к зимней спячке? Ци Цзин не знал. Он уже точно проснулся, но все равно чувствовал себя слишком вялым, чтобы двигаться. Грудь мужчины, лежавшего перед ним, походила на одеяло, нагретое до нужной температуры, одеяло, которое обволакивало его целиком, так что спать с ним было очень уютно.

... Если бы не ноющее и слабое тело.

Ци Цзин положил голову на грудь Шень Яню и тихонько засмеялся. Похоже, некоторые описания из романов все-таки не были полной выдумкой.

Шень Янь тоже не изменился. По крайней мере с виду.

У него была привычка - целовать Ци Цзина перед тем, как встать, иногда в лоб, иногда в глаза. Обычно в этом не было ничего сексуального, но в этот раз поцелуй коснулся губ, и в результате они провалялись в постели в два раза дольше, чем обычно.

Как и всегда, Шень Янь встал первым, позволив Ци Цзину немного подремать, но в это утро он начал с душа. Зимой в душе вода нагревалась долго, поэтому он сначала принял душ сам, чтобы она за это время стала горячей, а потом позволил пойти в душ Ци Цзину.

Как обычно, Шень Янь приготовил ему завтрак. Он делал это каждый день, но сегодня... завтрак явно был слишком роскошным.

«Как юная жена в первый день после свадьбы», - чуть было не сказал Ци Цзин, чтобы подшутить над ним. Однако, когда он подумал, что этой «молодой женой» должен был быть он сам, то покраснел и кашлянул, так ничего и не сказав.

Они вдвоем продолжали вести себя как самая обыкновенная парочка, но на этот раз в их повседневности было что-то от молодоженов. Более того, после того как они откровенно рассказали друг другу обо всем, их разговоры стали гораздо более свободными и естественными.

Во время завтрака они с удовольствием болтали о мелких повседневных пустяках, но, когда со стола было убрано, и они собрались переодеться перед уходом, Шень Янь внезапно замолчал.

Молча, он помог Ци Цзину надеть пальто, разгладил ткань от воротника до пуговиц, а потом не выдержал и спросил:

- ...Ты на самом деле собираешься?

Ци Цзин положил остатки завтрака в маленький контейнер, убрал его в сумку и, улыбаясь, поднял голову.

- Что, все еще переживаешь?

Шень Янь не подтвердил, но и не опроверг его предположение.

Слова «я не переживаю» прозвучали бы неправдоподобно, поэтому он не стал бы такого говорить, тем более что перед ним стоял Ци Цзин, опытный журналист службы новостей.

Спустя долгое время он тихо вздохнул, обхватил лицо Ци Цзина ладонями, придвинулся к нему поближе и тихо сказал:

- Иди. Не садись на автобус, сейчас час пик, толчки и тряска – там будет небезопасно. Возьми такси, не забывай об этом.

Ци Цзин слабо улыбнулся и, когда Шень Янь договорил, поцеловал его в губы, показывая, что согласен.

Как и советовал Шень Янь, Ци Цзин поймал такси до центральной народной больницы провинции, но примерно в километре от нее попросил водителя остановиться, потому что хотел пройти оставшийся путь пешком.

Он сделал это не для того, чтобы сэкономить на оплате за проезд, а чтобы оставить себе немного времени перед встречей с той, у кого собирался «брать интервью».

Ци Цзин шел медленно. Двигаясь вперед вдоль длинного серого забора, он выудил из кармана телефон, не торопясь, ввел ряд цифр – номер, на который уже много лет не звонил. Перед тем, как нажать кнопку вызова, Ци Цзин остановился, поднял глаза и вдохнул глоток холодного утреннего зимнего воздуха. Этот воздух должен был помочь ему смягчить удар и не обморозиться, когда придет время.

В этот момент звонок прошел, трубку взяли, и в ней послышался сонный голос еще не проснувшегося толком человека:

- Алло? – этот тон ничем не отличался от обычного.

Возможно, он только что встал и не успел проверить номер входящего звонка, вот почему он говорит так спокойно – Ци Цзин слегка самоиронично рассмеялся, но смех был недолгим.

- Это я, – спокойно ответил он.

Как и можно было ожидать, застигнутый врасплох человек на другом конце провода тут же проснулся. В разговоре возникла четырех-пятисекундная пауза, которая достигла той точки, когда тишина заставляет чувствовать себя неловко, поэтому собеседник, в конце концов бросил ему строгим голосом:

- Чего тебе надо?

- Я просто хотел позвонить домой и спросить, как у вас дела, - Ци Цзин был тоже озадачен - он не думал, что может продолжать разговор так спокойно.

- Тут не о чем спрашивать, - его младший брат Ци Чже говорил так же холодно, как и раньше.

Смысл был в том, что тот хотел, чтобы звонивший сам положил трубку. Ци Цзин этого не сделал, а, напротив, продолжил:

- Тогда позови к телефону отца.

Хоть и приглушенно, на заднем фоне он мог расслышать неясные звуки утренней радиопередачи - у отца была привычка, встав поутру, включать радио и слушать старые ностальгические песни, пока он умывался, брился, завтракал, надевал старые черные очки для дальнозорких и медленно читал вчерашнюю газету.

Он следовал этой привычке много лет, и, казалось, она не изменилась даже спустя годы с тех пор, как Ци Цзин покинул дом.

Радио уже работает, стало быть, отец уже проснулся...

- Он не хочет с тобой разговаривать, - холодно отказал ему Ци Чже.

Ци Цзин ожидал такой реакции, поэтому тоже решительно ответил:

- Откуда ты знаешь? Ты его даже не спрашивал.

В это время из динамика смутно послышался голос отца, который, похоже, спросил: «Кто звонит?»

Дыхание Ци Цзина остановилось - он не успел сказать ничего из того, что собирался, как Ци Чже прервал его:

- Мы все это уже знаем, хватит, перестаньте нам звонить!

Затем раздалось внезапное «щелк».

А потом он услышал механическое «ту-ту-ту» сброшенного звонка, пока его дрожащие пальцы слегка постукивали по телефону.

И правда, он должен был уже догадаться, чем все это закончится. Ци Цзин задержал почти пошедшее вразнос дыхание, закрыл глаза и на минуту прислонился к стене, откинув голову

назад для того, чтобы набраться сил перед тем, как пойти в больницу.

Он уже собирался опустить телефон обратно в карман, как вдруг заиграла мелодия. Это был рингтон входящего звонка.

Ци Цзин слегка вздрогнул. Его рука на мгновение замерла, но затем он медленно повернул экран телефона назад и опустил взгляд – номер на экране был тем же, по которому он только что звонил

Он будто почувствовал, кто именно ему звонит, горло у него слегка пересохло, а голос немного дрожал, когда он отвечал на звонок:

- ...Алло?

Человек на другом конце связи не сказал ничего.

Ци Цзин тоже молчал и просто ждал.

В конце концов он услышал слова, которые ни капли не отличались от тех, что он слышал и раньше, лишь голос говорящего звучал чуть больше по-стариковски. Вероятно потому, что владелец голоса сегодня еще не начинал пить, его речь прозвучала намного трезвее, чем обычно.

- Чего тебе надо?

Примечание автора.

После брачной ночи.

2Янь: Некрасивая невестка собирается навестить свою свекровь. (Хотя ей все еще нужно отдать дань уважения своей собственной семье).

Дядя Янь: Вообще-то невестка очень хорошенькая.

2Янь: >///
<

□Пять□: ...Вы оба слишком... (ослеп от демонстрации взаимных чувств)

(:з[∠) Хотя это всего лишь одна глава, количества слов хватает на две... Может быть, это благословление от молодоженов? Если бы количество комментариев могло стать таким же длинным, то... (Посмотрите в мои честные глаза!!!)

<http://bllate.org/book/13906/1225632>